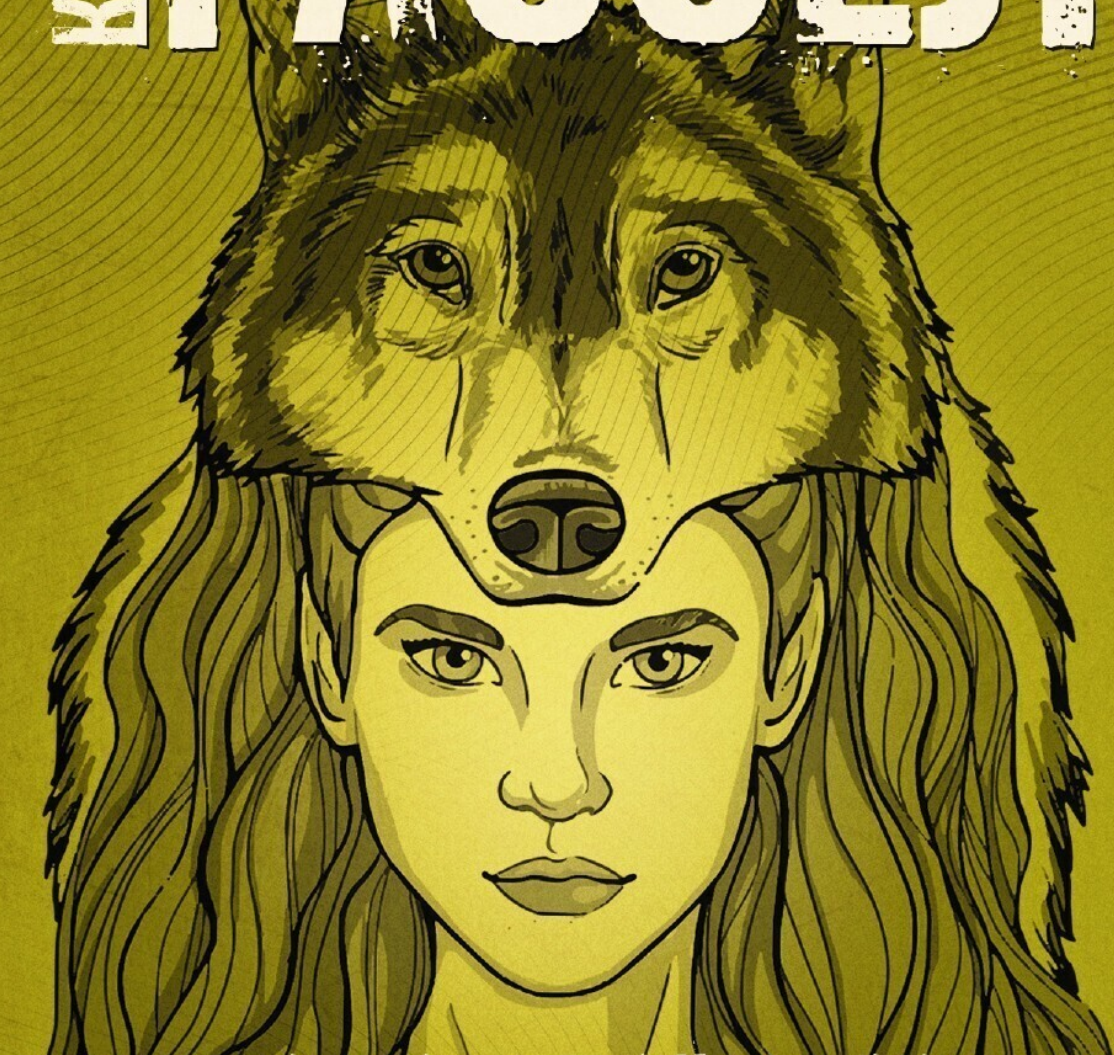

КАРЕН
РАССЕЛ

ПРИУТ СВЯТОЙ ЛЮСИИ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК,
ВОСПИТАННЫХ
ВОЛКАМИ

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Карен Рассел

**Приют святой Люсии для
девочек, воспитанных волками**

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Рассел К.

Приют святой Люсии для девочек, воспитанных волками /
К. Рассел — «Издательство АСТ», 2006 — (Чак Паланик и его
бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-107358-9

Десять потрясающих историй, удивительным образом балансирующих на грани между реальностью и причудливой фантасмагорией. Монахини из приюта пытаются «очеловечить» девушек, воспитанных волками, но не все поддаются перевоспитанию. А те, кто поддался, приобретают и человеческие пороки... Ледовый дворец – единственное развлечение жителей захолустного городка. Там имеется вечернее шоу для взрослых «Метель», во время которого люди предаются самым разным, в том числе и очень опасным, играм... Целая семья зарабатывает на жизнь при помощи борьбы с аллигаторами в тематическом парке... Пожилой инвалид влюбляется в волонтерку... Девочка на экскурсии застревает в гигантской доисторической раковине, в то время как начинается прилив... Братья ищут призрак сестры, утонувшей в океане по их вине... Десять мрачных сказок для взрослых. Десять историй об одиночестве и потерях, о жажде понимания и поиске свободы. Историй, переливающихся всеми оттенками магического реализма.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107358-9

© Рассел К., 2006

© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Ава борется с аллигатором	7
В поисках Оливии	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Карен Рассел
Приют святой Люсии для
девочек, воспитанных волками

Посвящается маме, папе, Лорен и Кенту.

© Karen Russell, 2006

© Перевод. Н. Ломанова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Ава борется с аллигатором

Наш отец, вождь Бигтри, отправился на материк, оставив нас в старом доме бабушки Сотуса. Впервые мы находились на болотах одни.

– Не робейте, девчонки! – небрежно бросил он. – Кормите аллигаторов, не разговаривайте с чужими. И запирайте дверь на ночь.

Вождь, видимо, забыл, что в бабушкином доме дверь похожа на ширму и никакого замка в ней нет. Дом этот всего лишь старое проржавевшее бунгало в устье реки, где гнездятся птицы. Там одна душная комната с тремя окнами, подоконники которых засижены москитами, а жестяная крыша гулко отзывается на капли дождя. Но мне там нравится. Порывистый ветер с реки засыпает дом листьями и птичьими перьями. Когда у птиц брачный период, окна прямо дребезжат от их пылких игр.

Сейчас тонкие оконные стекла трепещут от грома, словно воцеленная бумага. В шуме летнего дождя есть что-то утешительное. Я воображаю, будто в нашу крышу стучится моя умершая мать. Где-то вдали ревет аллигатор – но явно не наш. Я нахмуриваюсь: это какой-то чужак. Все наши выведены в инкубаторе и обычно не шумят; сытые и ленивые, они лишь ворчат от скуки. А этот дикарь вопит во всю глотку. Улыбаюсь и натягиваю одеяло до подбородка. Оцелла, наверное, тоже его слышит, но не подает виду. Моя сестра лежит на кровати напротив меня. Глаза ее широко раскрыты, и она улыбается в темноте.

– Эй, Осси, ты здесь?

У моей старшей сестры в душе целые миры, но попасть в них можно не всегда – только в правильное время года и не при всякой погоде. Например, дорога туда открывается в летний дождь, в полночь, когда сестра ровно задышит, погружаясь в сон. Надо только задать нужный вопрос, перекидывая через разделяющую нас пропасть веревочный мостик, и успеть перебежать по нему, пока он не сорвался вниз.

– Осси? Мы тут одни?

Я вглядываюсь в шероховатую тьму. Вот стул, похожий на рогатого черта. Тусклый блеск террариумного стекла. Но Искусителя пока нет. Дьявольский дружок Осси еще не материализовался.

– Да, пока одни, – шепчет она.

Голос у Осси совсем не сонный. Она протягивает руку и гладит меня по плечу.

– Только мы одни, и больше никого.

Так оно и есть.

– Одни! – вместе восклицаем мы.

И я понимаю, что мы с Осси думаем об одном и том же. Кругом бескрайние болота, над которыми витают миллионы призраков, а в ветхом бунгало притаились две девочки в дурацких пижамах. Мы начинаем смеяться, радостно и немного нервно, впадая в греховное возбуждение. Обе чувствуем, что вовлекаемся в какую-то темную игру, хотя смысл ее нам пока неясен.

– А как насчет Искусителя? – чуть задыхаясь, спрашиваю я. – Ты больше с ним не видишься?

Вот черт! Опять эта загадочная улыбка, свидетельствующая о том, что Осси с грустью вспоминает те места, где я никогда не была и вряд ли когда-нибудь смогу их представить.

Осси качает головой:

– Нет, теперь это нечто иное.

– Что же? Ты больше с ним... – Я запинаясь, пытаюсь вспомнить ее собственное выражение. – Не сбегашь? Да?

– Слышишь? – шепчет она, и глаза ее вспыхивают, как угольки в золе.

Гром стихает и лишь слабо рокочет вдали. В мокрое стекло что-то скребется.

– Он здесь.

Вообще-то одержимость Осси совсем не похожа на припадки, описанные в Библии, никаких потусторонних голосов и свиней, падающих с горы. Она не искрится и не говорит на мертвых языках. Ее дружки овладевает ею по-другому: выются над ней, проникают в уши, рот и легкие и незаметно растекаются внутри, как болезнь или выпитая вода. Я вижу, как сестра постепенно преобразуется, чуть виновато, но с жадной готовностью. Осси покрывается испариной, тяжело дышит, зажимает рукой рот, в то время как другая ее рука исчезает под одеялом. Потом она чуть слышно стонет.

А вокруг меня сплетается причудливый клубок из страха, изумления и злости, опутывающий все мое детство. Дальше, совсем близко от меня, происходит нечто совсем непонятное, неосоздаемое, однако вполне реальное. Призрак уже здесь. Я это точно знаю, потому что моя сестра исчезает: она покидает свое тело, и я остаюсь в комнате одна. Искуситель – самый похотливый из дружков Осси. Он проникает в нее, вворачиваясь между ее ногами, и заставляет сестру корчиться и дергаться под одеялом. Последнее время это происходит каждую ночь, и я не в силах остановить его. «Убирайся вон, Искуситель, – мысленно кричу я. – Возвращайся в свою могилу! Оставь мою сестру в покое...»

И тут ее кровать, вся во власти нечистой силы, начинает раскачиваться из стороны в сторону.

Я очень беспокоюсь об Осси. Если во время грозы начинает мигать свет или на пол падает тарелка, это означает, что ее мерзкий дружок посылает ей привет. Ветер, раздувающий волосы Осси или раскачивающий ветки – как бы «валентинка» от ее возлюбленного. А кто в это время рубит головы вонючей жратве для аллигаторов? Кто стирает все белье в Бигтри и чистит зубы гипсовому аллигатору? Я, кто же еще. Осси уже шестнадцать лет, она старше меня на четыре года, да к тому же на голову выше. Однако всю работу делаю почему-то я. Наверное, это награда за мои способности. Перед отъездом вождь оставил за главную именно меня.

Нашей семье принадлежит «Болотландия!» – островной тематический парк аллигаторов и кафе, хотя в последнее время дела у нас пошли под гору. Вы можете видеть нашу деревянную вывеску, свисающую с огромного дерева на автостраде: «Приходите посмотреть на нашего Сета, зубастого морского змея и древнего ящера-убийцу!!!» Всех своих аллигаторов мы зовем Сетами. Вождь говорит, надо соблюдать традиции, потому что раскрутка нового стоит денег. Когда была жива моя мать, всем тут заведовала она. Выполняла всю грязную работу: забивала дубиной больных аллигаторов, управляла топливом катера, умерщвляла кур. Я даже не подозревала об этих темных сторонах нашего бизнеса. И уверена, что Осси до сих пор находится в неведении. Оцеола не должна заниматься тяжелой работой. «Твоя сестра особенная», – часто повторяет вождь. Но я не понимаю его логики. Я тоже особенная. У меня имя-перевертыш. Я могу лазить по деревьям, как обезьяна, с бешеной скоростью потрошить рыбу. Однажды дедушка Сотус развел челюсти дохлого Сета, и я засунула голову в его вонючую глотку.

В «Болотландии!» есть только два занятия, которых я избегаю: подвешивать куриц по «Четвергам живых кур» и выволакивать аллигаторов из воды. Это означает, что я не могу участвовать в соревнованиях или выступать с сольным номером. Но я не настолько тщеславна, чтобы зря рисковать, и до сих пор отказываюсь лезть в воду. Да к тому же мне сил не хватит вытащить аллигатора на берег. Представление у нас самое простое: главный исполнитель, обычно наш отец, входит в воду и с разными ужимками преследует Сета. А потом вытаскивает на берег за хвост, которым тот молотит направо и налево. Аллигатор сразу бросается назад, стаскивая отца обратно в воду. Отец его снова выволакивает, а разъяренный аллигатор опять тащит его в воду. Так они долго перетягивают друг друга, вспенивая воду и приводя в восторг зрителей, которые вопят и улюлюкают, приветствуя наше немудреное шоу.

В конце концов, отец одолевает Сета. Он отрезает ему путь к воде и забирается к нему на спину. И тут наступает мой черед. Тетя Хилола ударяет по клавишам каллиопы, раздается дикая музыка, и я, кувыркаясь, выбегаю на песок, не переставая улыбаться, даже когда приземляюсь на бронированную крокодилю спину. От ее щитков у меня все ноги в синяках. Вблизи наши Сеты вполне симпатичные – у них серо-зеленые рифленые спины и лапы, как у древних ящеров. Отец незаметно обкручивает морду аллигатора черной изолентой. А затем берет мои руки, поворачивает ладонями к зрителям и сцепляет их вокруг челюстей Сета. Я все улыбаюсь и улыбаюсь туристам, а сама чувствую, как у меня под ладонями напрягаются крокодильи челюсти, пытающиеся разорвать ленту. Отец кладет свои ручищи поверх моих, чтобы сделать вид, будто помогает мне. Ведь туристы платят деньги за острые ощущения.

Вероятно, я задремала, а очнувшись, услышала, как на ветру стучит входная дверь. Часы показывают 12.07. Когда была жива мама, для Осси установили комендантский час – десять вечера. Он так и не был отменен, но сейчас некому за этим следить. Осси позволяет Искусителю владеть ею по несколько часов подряд. Меня страшно возмущает, что он увлекает сестру на болота. Я за нее ужасно переживаю. Сейчас она, наверное, уже где-нибудь в сосняке или на полпути к пруду. Но пойти за ней – значит нарушить правила игры. Я накрываюсь одеялом и закусываю губу. Неизрасходованный адреналин ударяет мне в голову. В следующую минуту я уже натягиваю кроссовки и, как одержимая, бегу к двери.

Ночью на болотах мигают причудливые огоньки. Длинные редкие облака затягивают небо, как огромная паутина, на которой каплями росы мерцают звезды. Крохотные самолетики с материка летят к желтой луне, запутываясь в паутине облаков. Выслеживать Оцеолу гораздо проще, чем диких зверей. Она протоптала в зарослях неровную тропинку. Меня обступает высокий тростник, шипящий на ветру, как тысяча ядовитых змей. Я постоянно оборачиваюсь, стараясь не терять из виду тускло светящихся окон дома.

В нескольких шагах от меня возникает силуэт Осси, пробирающейся сквозь кусты. С помощью горячей ложки и краски для яиц она превратила свои волосы в сиреневое облако. Оно тянется за ней, словно моя сестра стала жертвой неумелого изгнания дьявола. Сейчас главное – застигнуть Оцеолу врасплох, незаметно подкрасться к ней сбоку под покровом мангровых деревьев и, сделав рывок, неожиданно наброситься на нее. Иначе остановить ее невозможно. Сестрица моя девушка крепкая, весит под двести фунтов, у нее три лишних клыка и хватка ягуара. К тому же Осси во власти любовных чар. Когда на нее находит, она с бычьей силой стряхивает меня с плеч и, не глядя, переступает через мое тело.

Чем она собирается заняться с Искусителем? Чем вообще с ним занимается каждую ночь? Меня мучает скорее страх, чем любопытство. Сестра по пояс исчезает в зарослях меч-травы, превращаясь в опаловое пятнышко, движущееся к болотам. Иногда жужжание насекомых перекрывает рев диких аллигаторов. Довольно странный звук для подобных чудищ: протяжный и гортанный, он звучит жалобно и в то же время грозно, как голос отца, когда тот сердится. С тех пор как наш вождь уехал, я часто слушаю эти вопли. Все-таки какое-то утешение.

Осси покидает царство лунного света и серебристого рогоза, исчезая под темным пологом мангровых деревьев. А потом вдруг возникает новый звук.

Я бреду по краю болота, не решаясь следовать за ней. И это уже не в первый раз. Здесь для меня своего рода географическая граница. В школе мы изучали широту и долготу, и я мучительно краснею оттого, что границы моей любви и смелости очерчиваются с такой проклятой точностью. Иду по невидимому пунктиру, стараясь разглядеть сестру в темноте. Ночь обволакивает меня темным сиропом, влажным и непроницаемым. Я стою неподвижно, пока Осси не исчезает из виду.

– Осси! – тихо зову я.

Испугавшись звука собственного голоса, я бегу обратно к бунгалу. В конце концов, это ее тело и она вольна распоряжаться им, как хочет. Ей самой нравится эта влюбленность. Как прикажете лечить пациента, который ни на что не жалуется?

Рев за моей спиной усиливается, и я прибавляю шаг.

Многие думают, будто аллигаторы подают голос лишь от голода или с тоски. Но эти люди явно не слышали этого красавца.

Наша щепелявая учительница естествознания любит повторять, что люди отличаются от зверей способностью говорить. Но зря они так задаются. Аллигаторы общаются друг с другом и с луной по-женски выразительно и эмоционально.

В детстве мы боимся разбалтывать чужие секреты, опасаясь, что нам за это достанется. Дело в том, что у меня тоже появляется кавалер. Но я ничего не говорю Осси или кому-либо еще.

Проснувшись, я с облегчением вижу, что Осси лежит на своей кровати и улыбается во сне. Она вся исцарапана, из спутанных волос свисает бородатый мох, ночная рубашка порвана в нескольких местах. Я наблюдаю, как на ее лице отражаются счастливые сновидения, в которых для меня места нет. А потом иду на берег канала изучать нашу местную библию борьбы с аллигаторами. Снаружи все еще темно, и на небе слабо мерцают звезды. Покачиваясь от недосыпа, я бреду вдоль причаленных лодок – единственное человеческое существо на много миль вокруг, которое не спит в этот час. Заря на болотах похожа на тихий апокалипсис. На всем лежит печать бесконечности, по неподвижной воде расходятся круги. Море травы, красная полоска на горизонте – в этом есть что-то потустороннее.

Я сворачиваюсь клубочком, притворяясь муравьиным яйцом. Рядом со мной, как гигантские пауки, покачиваются на воде брошенные катамараны.

– Никто на целом свете не знает, где я, – шепчу я и быстро повторяю: – Никтонииктони-кто...

Я волнуюсь, и у меня начинает кружиться голова, совсем так же, как когда я смотрюсь в мамино зеркало и повторяю свое имя, Аваававава, до тех пор, пока оно не становится чем-то не имеющим ко мне отношения.

– Никто во всем свете не подозревает, что я здесь...

И тут у меня за спиной хрустит ветка.

Он, конечно, не принц. Весь в перьях и птичьем помете. Совсем взрослый, но явно не семейный.

– Привет! – восклицаю я. – Вы пришли посмотреть представление?

Я ненавижу эти радостно-подобострастные нотки в своем голосе, однако сделать ничего не могу. Это моя обязанность – подбегать к каждому взрослому, появляющемуся в «Болотландии!», как собачонка, сорвавшаяся с поводка.

– Вы видели нашу вывеску? Не беспокойтесь, мы никогда не закрываемся.

Незнакомец смотрит на меня с невозмутимостью аллигатора. Потом начинает разглядывать. Наши аллигаторы не охотятся и не питаются отбросами. Они наблюдатели, спокойно ждущие, когда появится что-нибудь достойное их внимания. На меня, конечно, и раньше смотрели и отец, и сестра, и зевающие туристы. Но так на меня еще никто не глазел.

Он смеется:

– Привет, моя сладкая!

Жесткие торчащие волосы и очки делают его похожим на рогатого жука. Если бы здесь был отец, он поднял бы незнакомца на смех, да так, что этого типа как ветром бы сдуло. Я его не боюсь. Голыми руками я зажимала челюсти восемнадцати Сетам. Сваливала на землю свою толстую влюбленную сестрицу. Но я не дурочка. Если ко мне подваливает парень и при-

глашает прокатиться на катере, я его отшиваю. Никогда не катайся на катере с чужими – одна из многочисленных заповедей нашего вождя.

Теперь я понимаю, с кем имею дело. Толстая мохнатая куртка, серебристая свистулька, блестящие глазки на рябоватом лице. Это цыган-птицелов. Они ходят по паркам во время сезонных перелетов птиц и заманивают их в свои собственные стаи. Как Крысолов из сказки, только для птиц. Они приманивают пернатых, которые создают вам проблемы, и уводят их с вашей территории, чтобы они осели в чужом саду.

– Вас вызвал отец, чтобы избавиться от осоедов?

– Нет. А как тебя зовут?

– Ава.

– Ава, – усмехается он. – Ты умеешь хранить секреты?

Протянув волосатую руку, он прижимает два пальца к моим губам. Я начинаю злиться. Этот птичник испортил мне рассвет. От его липкого прикосновения мне становится противно, словно, помывшись, я снова влезла в грязное белье. Но я киваю и вежливо отвечаю:

– Да, сэр.

Мне очень одиноко и хочется с кем-нибудь посекретничать. Я с удовольствием представляю, как Осси обнаружит мою пустую кровать.

В детстве мотивы наших поступков подчас бывают более чем странными. Птицелов говорит, что ему нравятся мои веснушки.

– Послушай-ка, Ава!

Я делаю шаг и оказываюсь на краю причала. Птицелов наклоняется ко мне, и катер, качнувшись, задевает бортом причал, так что незнакомцу приходится вцепиться в перила. Восходящее солнце расцвечивает канал всеми оттенками красного. Вниз по реке плывут белые облака. Птицелов опять поедает меня агатовыми глазами, его неподвижный взгляд заораживает, лишая последних сил. Потом он сжимает губы.

Первые три трели мне знакомы. Это цапля, дикий павлин и стая лысух. Затем он издает звук, похожий на рев аллигатора, но все же не совсем такой. Какой-то переливчатый и многоцветный, как радуга. Я невольно подхожу ближе, стараясь угадать, что это за птица. Одиночная нота, застывшая во времени, словно насекомое в янтаре, и чем-то напоминающая мой школьный рисунок, где я изобразила углем падающего Икара. Такая же грустная и в то же время неистовая, пронизанная чистотой одиночества. Она все звучит и звучит, разжигая внутри меня костер.

– Какую птицу вы приманиваете? – наконец спрашиваю я.

Птицелов перестает насвистывать. Усмехнувшись и сверкнув неровными зубами, он протягивает мне над водой руку.

– Тебя.

Проходит довольно много времени, прежде чем я прокрадываюсь обратно в пустой дом, чувствуя себя обманутой и грязной. Осси нигде нет. Ее дощечка для спиритических сеансов лежит на кухонном столе.

– Мама, я поступила очень дурно, – признаюсь я.

В доме тихо, только чуть слышно гудит москитная лампа. Я кладу руки на дощечку и зажмуриваюсь. Передо мной возникает мамино лицо. Она смотрит на меня так, как раньше, когда я врала или вляпывалась в какашки сунса, а потом оставляла в доме следы, – очень суровый взгляд. Я заставляю указку выводить грозные слова: «Сейчас тебе здорово влетит, детка. Ты меня очень рас...»

Я останавливаюсь, крутя в пальцах указку. Не помню, «расстроила» пишется с одним «с» или с двумя. Вместо этого я пишу: «Иди к себе и подумай над своим поведением».

– Хорошо, мама.

Я ложусь на кровать и размышляю о том, что сделала. Закрываю глаза. Но все равно вижу вентилятор на потолке и чувствую, как вращаются его лопасти. Непрерывно жужжат москиты. Становится душно, словно мне зажали рукой рот.

На закате я наконец встаю и иду кормить аллигаторов. И вдруг смутно осознаю, что сегодня четверг. Когда мама была жива, по четвергам у нас всегда был День живых кур, один из немногих ритуалов, в которых я отказываюсь участвовать. К тросу привязывают за лапы двенадцать живых кур, и они висят вниз головой. Трос натягивают над крокодильим садком и отходят в сторону. Аллигаторы подпрыгивают футов на семь-восемь над водой и хватают бедных куриц. Те кудахчут, трепыхаются, летят перья, льется кровь. Вскоре наступает тишина, и только голые крючки поблескивают на солнце. Когда ты просто смотришь, с этим еще как-то можно смириться, но участвовать в подобной мясорубке просто невыносимо. Я всегда встаю подальше, переполненная жалостью, отчасти порожденной трусостью. Отец вечно дразнит меня за малодушие.

– Это же естественно. Они лишь часть пищевой цепочки, Ава. Эти куры должны быть счастливы, что выполняют свой долг! – со смехом кричит он, прекрывая вопли протестующих куриц.

Если рядом нет отца, обычно я размораживаю для аллигаторов ведро холодной рыбы. Я опасаюсь петуха, и мне противно вязать курам лапы. Но сегодня я решительно направляюсь к курятнику. Курицы приветствуют меня, суматошно клюя в ноги и раздувая перья на пестрых грудках. Я беру их по одной и бесцеремонно заталкиваю в решетчатый ящик. Затем подвешиваю его на трос, не обращая внимания на щиплющие меня клювы, и начинаю перемещать, чтобы он повис над водой.

Труднее всего разобраться со шкивами и точно рассчитать, когда нужно дернуть рычаг, чтобы ящик упал в воду. После этого все заканчивается в считанные секунды. Я слушаю, как в панике кудахчут куры, как бешено бурлит вокруг ящика вода, и дожидаюсь, когда все стихнет. Солнце уже почти скрылось, и река вдаль переливается жемчужным светом. Я все-таки сделала это. Теперь отец уж точно доверит мне выполнять этот обряд. Странно, но я ничего не чувствую – лишь вялое удивление собственному равнодушию, будто смотришь на свою ногу, которая свернулась во сне калачиком. Я ложусь ничком на синие маты и гляжу на розовую воду, где плавают перья.

В субботу Осси объявляет, что пригласила Искусителя на бал. Судя по ее тону, меня там не ждут. Но тут сестра сообщает, что бал состоится в нашем кафе и начнется в семь часов вечера. Мне предлагается принять участие в подготовке. Осси вручает мне коробку с зубочистками и несколько сдувшихся воздушных шаров.

– А мне можно прийти?

– А у тебя есть кавалер?

Мы смотрим друг на друга. Я чуть не проговариваюсь про Птицелова, однако вовремя прикусываю язык. В конце концов, Осси соглашается допустить меня на бал, но только в качестве диджея. Это означает, что я должна совать пластинки в музыкальный автомат, стоящий в кафе.

– Только песни про любовь и медленную музыку, лучше всего Пэтси Клайн, – инструктирует она меня.

Несколько дней я не разговариваю с сестрой. Со своих болотных свиданий она приходит, когда я уже сплю, а потом целый день отсыпается. Теперь, когда она крутит роман с Искусителем, у нее не остается времени для меня. Разумеется, я не собираюсь шпионить за ее свиданиями в потустороннем мире, просто меня тоже начинает заносить, и порой я чувствую себя призраком, в полном одиночестве бродящим по парку. Даже пытаюсь общаться с аллигаторами, но из этого ничего не получается.

– Привет, Сет, – произношу я, посыпая крокодилий загон порошком от блох. – Как дела? Тебе не холодно?

Иногда аллигаторы фыркают в ответ, но по большей части просто игнорируют меня. В книгах дети общаются со своими питомцами, будь то проникательные кошки, подбитые орлы или отважные пони, спасающие тонущих людей. Но аллигаторы в этом смысле совершенно безнадёжны, эти чешуйчатые ящеры совсем не дружелюбны и при случае не против вас сожрать. Так что я ценю компанию Осси, даже если приходится делить ее со злым духом.

К вечеру мы украшаем кафе цветными фонариками и старыми рекламными плакатами. Свет фонаря высвечивает щетинистые соломенные стены хижины. Пэтси Клайн нежно тянет: «Пока смерть не разлучит на-а-ас». Даже если у меня и нет дружка-духа, я все равно понимаю, что фраза звучит глупо и неправдоподобно. Неужели Пэтси это всерьез? Почему она думает, что так легко отделается, закончив свой любовный роман вместе с жизнью? Я с хмурым видом ставлю другую пластинку.

Сидя за круглым столиком, делаю вид, будто разгадываю кроссворд, а Осси вальсирует с Искусителем. Голова ее увенчана короной из ящериц. Мы никак не могли решить, кого выбрать: геккона или желтоголовика, и в конце концов взяли обоих. Сестра моя танцует не блестяще. Желтоголовик, недовольный, распластался на ее волосах, свернутых в узел, а геккон пытается отгрызть собственную ногу.

– Ава, хочешь к нам присоединиться? – спрашивает Осси, протягивая руку к моему лбу. – Ты в порядке?

– Нет. То есть не хочу. Может, позднее.

– Ладно, – кивает она. – Тогда скажешь мне. Искуситель не возражает. Ава!

Оказывается, я не заметила, что музыка прекратилась. Пришлось быстренько зашвырнуть в автомат следующую пластинку.

Опять поет Пэтси, заполняя своим голосом пространство хижины. Тьфу ты! Моя сестрица забила в темный угол и вжалась в соломенную стену.

Я грызу карандаш, чтобы сосредоточиться, и каждую минуту бросаю взгляд в окно в надежде увидеть Птицелова. Но он явно сделал ноги. Я облазила все вокруг и убедилась, что в нашем мангровом лесу не осталось ни одного осоеда. Пока не знаю, как к этому отнестись.

В автомате начинает звучать медленная музыка. Осси пытается засунуть руку себе под платье. Я перестаю разбирать слова, все песни сливаются в один жалобный стон, словно автомат завывает, предвещая смерть. Перед глазами у меня плывет туман. Мне кажется, я вижу Птицелова, стучащего в окно, но он скоро исчезает. Крышка стола вдруг превращается в огромный незаполненный кроссворд.

По вертикали

По горизонтали

По вертикали

По горизонтали

Что-то происходит с моими глазами, лоб пылает, горло перехватывает, и я теряю дар речи.

Кроссворд требует угадать слово из шести букв...

Бал заканчивается в далеко не детское время. Голова у меня еще гудит, но я не хочу портить Осси праздник. Она вся раскраснелась, переживая свой успех.

– Ава, ты видела, как мы танцевали?

Сестра продолжает кружиться под гигантскими кипарисами, глаза у нее сверкают, она уверяет меня, будто Искуситель танцует не хуже Фреда Астора. Потом мы, взявшись за руки, идем домой, Осси переплетает свои пальцы с моими, и я испытываю такую радость, что даже

стискиваю зубы, как это делают борцы с аллигаторами, чтобы те не вырвались у них из рук. Продираясь сквозь тростник, поем какие-то дурацкие стишки из книги заклинаний Осси:

*Я теряю свое копье, я его теряю, и луна исчезает в тучах,
Я его теряю, и гаснет солнце.
Я его теряю, и меркнут звезды.
Но целюсь я не в солнце, не в луну и не в звезды.
А в сердце сына нашего братства.
Имя его – секрет.
Куд-куда! Куд-куда! Душа его, приди и погуляй со мной.
Приди и посиди со мной.
Приди и раздели со мной мою постель.
Куд-куда! Куд-куда! Приди, его душа.*

Пальмы похожи на часовых, освободившихся с дежурства и собравшихся вместе, чтобы посплетничать на теплом ветерке. Вокруг сверкают светлячки. Мир кажется уютным и совершенным.

– А Искуситель пойдет с нами домой?

– Нет! – бросает Осси, отпирая дверь в бунгало. – В дедушкин дом он больше не придет.

Я, как белка, прыгаю на кровать и зарываюсь лицом в шершавую подушку, чтобы скрыть счастливую улыбку. Услышав стук закрываемой двери, с трудом удерживаюсь от слез и истерического смеха. Теперь мы остались вдвоем, только вдвоем! Нет, врать и притворяться, будто мне жаль, я, конечно, не буду, но и задевать чувства Осси, громко радуясь, что Искуситель покинул ее тело, тоже не хочу. Вместо этого я просто фырчу в подушку.

– Спокойной ночи, Ава, – шепчет Осси. – Спасибо за музыку.

Когда я просыпаюсь, кровать моей сестры оказывается пустой. Туфель ее тоже нигде нет, а простыни валяются на полу. Стекланный террариум, набитый ящерицами, которых Осси порой выуживает, чтобы украсить свою персону, полностью опустошен: там не осталось ничего, кроме поилки и лишайников.

– Осси!

Все ее вешалки в шкафу пусты и напоминают обглоданные кости. Ванная благоухает мылом, словно цветущий сад. На запотевшем зеркале висит прилепленная скотчем записка:

*дарагая ава
я атправляюс в свадибное путишествие. не валнуйся мы скоро вирнемся
и придем к тебе. я сама найду маму и привиду ее дамой. извени что мало
написала в голове у миня много слов но я не знаю как их писать.
осси робакоу*

Я трижды перечитываю письмо и только тогда понимаю, что сестра покинула меня навсегда. Мои познания уже достаточно обширны, чтобы сообразить: такие секреты хранить нельзя.

– Осси, не уходи! – кричу я. – Подожди! Я... разогрею тебе блинчики на завтрак!

Это звучит совсем уж по-идиотски даже для меня. Что она собирается делать? Сбежать, вспоминаю я. Вытащив пыльный дедушкин словарь, я нахожу там нужное слово:

Сбежать (гл.) – самовольно покинуть место, где человек обязан находиться.

Сбежала. Это слово вспыхивает в моей голове, как зажженная лампочка. Как можно сбежать с призраком? А если Искуситель потащит мою сестру в такое место, куда я не смогу последовать за ней? Если она тоже станет призраком? Потом меня вдруг поражает, как громом, догадка: а если все это время она встречалась с Птицеловом?

Вы думаете, я сразу бросаюсь за ней вдогонку? Вовсе нет. Сначала обуваю резиновые сапоги, потом снимаю и обуваю снова. Поднимаю трубку, чтобы позвать на помощь, но сразу кладу обратно – вместо гудка в ней лишь что-то шуршит. Пытаюсь закричать, однако из горла вырывается только воздух.

Я чувствую, как за окном разрастается сумеречная зелень болот, окружая меня со всех сторон. Далекие сосны похожи на бледные языки пламени. Без отца и восторженных туристов «Болотландия!» постепенно возвращается к своему прежнему виду, дикому и первозданному. Появись сейчас Птицелов, я бы тотчас упала в его объятия, благодарная за любое человеческое участие. «Где же мой отец, где сестра?» – потихоньку причитаю я, крутя круглую дверную ручку. Страх, как острая спица, впивается в мои внутренности, выгоняя меня из пустого дома. И если бы я не видела, как тоскуют о своем хозяине отцовские собаки, то могла бы возразить мисс Хьюэрт, что от животных нас отличает лишь то, что мы страдаем от одиночества.

Я беру с собой фонарик, клюшку для гольфа, кухонный нож и батончики с арахисовым маслом, чтобы соблазнить Осси вернуться в свое тело. Чеснока у нас нет, и приходится замесить его цветной капустой в надежде, что вампиры, которых я встречу, будут близоруки и легковверны. Я открываю дверь, выхожу наружу и отправляюсь в путь, пробиваясь сквозь горячий удушливый воздух.

Добежав до мангровых деревьев, я останавливаюсь. Меня вдруг охватывает ужас, не дающий двинуться дальше. А вскоре с болот доносится знакомый дикий рев. У меня внутри все обрывается. С моей сестрой происходит нечто кроваво-страшное. Я моментально оказываюсь по ту сторону леса и, спотыкаясь, несусь к пруду. Перед глазами у меня все плывет, ноги обжигает крапива. Кажется, я мчусь целую вечность. Луна скрывается за облаками.

Мне так хочется, чтобы этот безумный бег вернул мне мужество, как это случается с храбрыми маленькими девочками, о которых читаешь в книгах, особенно с теми, кому помогают умные кошки. Но мной движет не мужество, а животный страх. Я не хочу остаться одна. И стану защищать Осси от любого чудовища, будь то призрак, злодей или древний ящер, чтобы спасти ее ради собственного блага.

Приближаясь к пруду, я чувствую себя как натянутая пружина и готовлюсь к бою. Но оказывается, что сражаться мне не с кем. Ни Птицелова, ни аллигатора, никакой нечистой силы. В лунном свете стоит моя голая, как стебелек, сестра, а ее красные юбки лежат у ее ног, словно опавшие листья. Склонившись над темной водой, Оцеола поет:

Куд-куда! Куд-куда! Душа его, приди и погуляй со мной...

При дневном свете тело Осси выглядит как неубранная постель, мятая и неряшливая. Но в лунном свете моя обнаженная сестрица сияет какой-то неземной красотой. Для меня нагота Осси, ее роскошная грудь – своего рода откровение. Сама я плоская, как блин, усыпанный коричневыми родинками. А моя неуклюжая сестрица унаследовала мамину фигуру.

На коже Осси происходит какое-то движение. Когда она идет к воде, с ее волос и плеч градом падают сверкающие искры. Да это же ящерицы! – догадываюсь я. Она стряхивает свою живую кольчугу, и та опадает с нее, как чешуя. Ее липкие драгоценности, шипя и извиваясь, шлепаются в пруд. Я застываю, зачарованная этим зрелищем. Вскоре наготу моей сестры не скрывает больше ничего, и только на ногах у нее краснеют следы от колючей травы. Дыхание у меня перехватывает, я не могу вымолвить ни слова. А Оцеола, продолжая произносить заклинание, начинает входить в воду.

– Осси, нет! – кричу я и уже не могу остановиться.

Но лезть в воду опасаясь, во всяком случае, пока не посмотрю, что там за тряпина. Я опускаю руку в карман комбинезона, чтобы достать фонарик, и обнаруживаю там глаз Сета, мой талисман. С горестным библейским воплем я кидаю его в спину Осси.

– Оцеола!

Это придает мне храбрости. Но глаз, не долетев до цели, падает в пруд. Я представляю, как он погружается в красный ил, глядя своим зрачком на ноги Осси, подергивающийся... При воспоминании о чем? В предвкушении чего? Я не могу сообразить, что происходит. Но точно знаю, что она меня покидает.

Я жду, когда Осси снова появится над водой, однако поверхность пруда остается ровной и блестящей, как мамино зеркало, и на ней тускло светятся лишь листья кувшинок. Я чувствую, как под водой тело Осси медленно опускается на дно.

– Не смей! – кричу я. – Не смей тонуть!

И бросаюсь за ней в пруд. Черная вода течет сквозь пальцы, заливая глаза, уши и рот, а я все молочу и молочу руками, пока не натыкаюсь на холодное тело. Схватив Осси за плечи, рывком вытаскиваю ее наверх и изо всех сил плыву к берегу, волоча ее за собой. Ничего такого сверхъестественного в духе суперменов и героических пони я не совершаю. Просто отчаянно борюсь, шлепая руками по воде и пытаюсь нащупать вязкое илистое дно.

– Ава, – захлебываясь, бормочет Осси. – Что ты делаешь? Отпусти меня!

Мы начинаем драться, используя приемы из нашего шоу аллигаторов. Наконец с торжествующим криком я вытаскиваю сестру на берег пруда и, схватив за черные ступни, пытаюсь оттащить подальше от воды. Осси плюется грязью и, судя по ее слепой ярости, она все еще одержима. К левой щеке прилип лист кувшинки.

Вытаскивая сестру из воды, я так вцепилась в ее руку, что на ней остались следы от моих ногтей. Маленькие пятнышки, похожие на синяки или засосы. Они темнеют на глазах, и я с изумлением вижу, как они распухают, превращаясь в толстые белые рубцы. Словно кто-то изнутри рвет кожу Осси когтями, пытаясь вырваться наружу.

В поисках Оливии

Мой братишка Воллоу уже час мотается вокруг кладбища кораблей Гэннона, не желая признать, что никаких призраков там нет. В конце концов, яростно бьет рукой по воде и начинает браниться. Ругательства так и сыплются у него из трубки. Воллоу замолкает, только чтобы поправить защитные очки, в которых он смахивает на дьявола.

Вообще-то его дьявольские очки скорее годятся для девчонок. Они розовые, а на прикрепленной к ним трубке – веселый цветочный узор. Еще у них регулируемый ремешок и стекла, не боящиеся царапин. Воллоу говорит, что с их помощью мы обязательно найдем нашу умершую сестру Оливию.

Все лето мы с братом шастали сюда по ночам. Кладбище кораблей – морская помойка, где люди за деньги избавляются от своих старых посудин. Его владелец Гэннон, седой дядька, весь покрытый татуировками, буксирует старые суда к своему причалу. Побитые парусные шлюпки и скособочившиеся ялики, облупившиеся яхты с дурацкими названиями вроде «Пожиратель миль» или «Селяви». Проржавевшие и обросшие ракушками, они постепенно погружаются в воду, самым причудливым образом склоняя свои мачты. Это морское кладбище легко грабить. Мы едем на велосипедах вдоль каменной стены мимо обитой жестью лачуги Гэннона и останавливаемся у заброшенного причала. Потом подкрадываемся к лестнице, прыгаем в ближайшую лодку и начинаем грабеж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.